

№ 42.

ЕЖЕНЕДЪЛЪНО.

1915 г.

XII 49543/6
1-я стр.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

ЮНЬ.

Эпизодъ изъ послѣднихъ боевъ во Франціи.

Въ книжномъ складѣ „20-й ВѢКЪ“
Петроградъ, 7-я Рождественская, 30,
и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ
продаются слѣдующія книги:

ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Злая пародія на энциклопедію и словарь современниковъ. Полное объясненіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ словъ.

Веселыя характеристики современныхъ писателей, художниковъ и артистовъ.

Эта книга — совершенно небывалое явленіе въ русской юмористической литературѣ и вполне заслуженно пользуется огромнымъ успѣхомъ у читающей публики.

Юморъ брызжетъ изъ каждой строки этой заразительно-веселой пародіи на энциклопедію. Сотни блестящихъ афоризмовъ, остроумныхъ стихотвореній, забавныхъ характеристикъ — национальностей, городовъ, общественныхъ дѣятелей и т. п. Составилъ Мрачный Юмористъ. 320 стр. текста.

Цѣна одинъ рубль

съ пересылкой (можно почтовыми марками). Выписывающіе съ наложеннымъ платежомъ уплачиваютъ 1 руб. 25 коп.

ЗАБАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. № 30. Книжный складъ журнала „20-й вѣкъ“.

ОБЫВАТЕЛИ.

33 юмористическихъ разсказа

→ Евгенія Сно. ←

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Столичное. — 2. Алтская мѣсть. — 3. Испанскій романъ. — 4. Англійскій романъ. — 5. Китайскій романъ. — 6. Маскотта. — 7. Непло средствамъ. — 8. Мой первый ужинъ. — 9. Принцесса. — 10. Макароны. — 11. Семейникъ. — 12. Письмо. — 13. Опасный возрастъ. — 14. Подъѣздъ. — 15. Фракъ. — 16. Алашъ. — 17. Нѣтъ худа безъ добра. — 18. Счастливыя дѣлать. — 19. Талантливая семейка. — 20. Культурная миссія. — 21. Опись имущества. — 22. Собственникъ. — 23. Венефисъ. — 24. Нарушеніе тишины. — 25. Блины. — 26. Не женился и отличію сдѣлалъ. — 27. Письма дяди. — 28. Иродъ. — 29. Демонъ. — 30. Веселія любовь. — 31. Застѣнчивость. — 32. Дачная удовольствія. — 33. Тайна сердца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ХРИЗАНТЕМЫ.

СОДЕРЖАНІЕ. Орко. Венецианская елка. — Жоржъ Зандъ. — II. Народный брадникъ въ Римѣ. — Де-Сталь. — III. Бѣгство Метти. Джорджъ Элоутъ. — IV. На разныхъ дорогахъ. Элизъ Ожепко. — V. Какъ надо любить. Пастель М. Сорро. — VI. На полѣ битвы. Верты Зурлеръ. — VII. Музыкантъ. Софья Дегерлефъ. — VIII. Часы Клары Фибигъ. — IX. Марышка. Марія Конопницкая. — X. Въ туманѣ. Ады Негри. — XI. Крошавая мѣсть. Карменъ Сильва. — XII. Моя первая любовь. Э. Пардо-Базанъ. — XIII. Пьеретта. Жипъ. — XIV. Жизнь. Позна въ прозѣ Нины Виччи.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

МУХОМОРЪ.

26 юмористическихъ разсказовъ

→ Евгенія Сно. ←

СОДЕРЖАНІЕ. I. Въ тихомъ уголкѣ. — II. Собственный корреспондентъ. — III. Разбитое сердце. — IV. Отелломанія. — V. Ванна. — VI. Островитяне. — VII. Градильни нарушены. — VIII. Артисты. — IX. Источникъ просвѣщенія. — X. Капканъ. — XI. Черная неблагодарность. — XII. Развалина. — XIII. Ам-риканка. — XIV. Интеллигентное знакомство. — XV. Междупланетное свиданіе. — XVI. Зубы. — XVII. Счеты. — XVIII. Старѣйшее и новѣйшее. — XIX. На всѣ руки мастерь. — XX. Самообразование. — XXI. Дядя. — XXII. Добросовѣстность. — XXIII. Тигръ. — XXIV. Фаско. — XXV. Святое искусство. — XXVI. Орлица.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ЧЕРТОПОЛОХЪ.

47 юмористическихъ разсказовъ

→ Евгенія Сно. ←

Изданіе 3-е. Восьмая тысяча.
1. Безпокойная жизнь. — 2. Мы. — 3. Экономная жена. — 4. Коверъ сапогъ. — 5. Другъ семьи. — 6. На романической подкладкѣ. — 7. Авоська. — 8. Жизнь. — 9. Бунтъ. — 10. Красный пѣтухъ. — 11. Рыболовъ. — 12. Не убивай его. — 13. Страхи. — 14. Доброжелательница. — 15. Дорогое удовольствіе. — 16. Сословіе. — 17. Приятель. — 18. Дѣвчонка. — 19. Лѣшій. — 20. Сонъ. — 21. Вегетарианецъ. — 22. Деликатность. — 23. Чудило. — 24. Но высота. — 25. Столичный гость. — 26. Птицы. — 27. Кулинарное искусство. — 28. Шукки. — 29. Лига смерти. — 30. Формы. — 31. Авиаторъ. — 32. Хирургія. — 33. Сенсъ. — 34. Поздравители. — 35. Манааринъ и Сатирикъ. — 36. Ночью. — 37. Муки. — 38. Взятыя глѣди. — 39. Толстый и тонкій. — 40. На улицѣ. — 41. Гимназисты. — 42. О красной шапочкѣ. — 43. Улика. — 44. Живая хронологія. — 45. Анекдоты. — 46. Гамлетъ. — 47. Зелье.

256 страницъ. Цѣна 1 руб.

ОРХИДЕИ.

Литературно-художественный сборникъ произведеній лучшихъ европейскихъ писателей.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Король ѣдетъ. Каринъ Михаэлисъ. II. Изъ Анны Виванти. III. Уинльга. Повесть Уйла. — IV. Клятва М. фонъ-Эберъ-Эшенбахъ. V. Сказка про бѣлаго бычка. М. Розенвичъ. — VI. Комическая трагедія. Мисъ Клиффордъ. — VII. Скромность. Новелла Неэпа. — VIII. Старость — не радость. — IX. Любовь съѣла. М. Дель-Грація.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Повѣсти и разсказы

→ О. П. Снѣгиной. ←

СОДЕРЖАНІЕ. Городъ мертвыхъ. — Колдунъ. — Барыня. — Жена цезаря. — Туманнымъ вечеромъ. — Батракъ. — Лѣсная сторожка. — Дамей съ крыши. — Человѣкъ съ черными глазами. — Родаль. — Тостъ смерти. — Семь. — Собака клоуна. — Мой врагъ. — Въ пылающаго. — Старое кладбище. — Анна Ивановна. — Скоропашимъ. — На отпадѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Викторіенъ де-СОСЕЙ
НОЧЬ ЛЮБВИ.
(Un Nuit d'Amour).

Популярный авторъ Викторіенъ де-Сосей, недавно выпустилъ въ свѣтъ новый шедевръ своего искуснаго пера. „Ночь Любви“ — романъ страсти, какъ гласитъ французскій подзаголовокъ книги, даетъ дѣйствительно захватывающее, въ высшей степени, откровенное описаніе картинъ страсти, которыя сильнѣе разстоянія и, развладѣвъ человѣкомъ, уже не дасть ему совѣдомъ. Гдѣ-бы онъ не былъ: въ Парижѣ-ли, въ Африкѣ — всюду стоить въ немъ любимый образъ, — спасая его отъ соблазновъ жизни и выходя невредимымъ изъ боръбы.

Книга снабжена многокрасочной художеств. обложкой, на мѣловой бумагѣ. Книгъ эта переведена на всѣ европейскіе языки.

256 стр. ницъ. Цѣна 1 руб.

„ПОЛУСВѢТЪ“

Иллюстрированный альманахъ легкаго жанра съ рисунками и карикатурами лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Краткое содержаніе. Историческія дамы полусвѣта: Фрида, — Аспазія. — Никонъ де-Ланкло. — Фивольные разсказы: Шикъ-Мими. — Гайны котки. — Какъ я отомстилъ. — Изъ дневника Этуали Фуроръ. — Мимоза. — По договору. — Изъ парфюмернаго магазина. — Маленькая сибирка. — Серпъ и тѣнь. — На испуганіи. — Рукъ водство для эгулей. — По ошибкѣ. — Незнакомка. — Не кстати. — Въ сѣтихъ Парижа. — Сигналъ. — Дѣловыя шпиль. — Во мрякъ. — Письма. — Секретъ. — Къ омъ того, стихи множество веселыхъ мелочей съ 60-ю интересными иллюстраціями въ текстѣ, въ роскошной худож. и огорасочной обложкѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Игривая жена

Романъ Вилли. Почти во всѣхъ романахъ талантливаго автора Вилли фигурируетъ остроумный скептикъ Мужи. Романъ „Игривая жена“ всецѣло посвященъ М. жи и его возлюбленной — женѣ Лона Пайе — игривой Мартѣ. Читается съ громаднымъ интересомъ. Цѣна 1 руб.

При покупкѣ книгъ на сумму, не менѣе 2-хъ руб. — пересылка за счетъ конторы. При заказахъ просить высылать задатокъ 50%. (Можно марками)

Каталоги высылаются — бесплатно

Прекрасная венеціанка.

Романъ М. Формонъ. Последнее произведеніе французскаго романа М. Формона посвящено рыцарской любви молодого и знатнаго венеціанца Паоло къ прекрасной Цециліи. Цѣна 1 р.

Подруга принца Жана.

Вилли. Подруга принца Жана — такъ называютъ актрису Гавтану даму бѣлзаконскихъ лѣтъ, красавицу съ неукротимымъ темпераментомъ. То обстоятельство, что ея интимнымъ другомъ является таинственный принцъ Жанъ, чуть ли не корою иная особа — окружаетъ Гавтану особымъ ореоломъ въ глазахъ ея поклонниковъ. Это книга романа, на которой остроумный Вилли вышилъ множество изящно-скверныхъ узоровъ. Описаніе сценъ любви полно шаловливой игривости. Ц. 1 р.

Красный поцѣлуй.

М. Формонъ. На фонѣ разсѣянной и легкомысленной жизни высшего французскаго общества, разыгрывается типичный романъ между испанскимъ аристократомъ Фелиномъ Рамиро и дѣвушкой изъ французской буржуазіи, Терезой Соваль. Препятствіемъ для счастливаго соединенія влюбленныхъ служитъ прежняя любовница Рамиро, пылкая испанка, маркиза де-Реаль. Цѣна 1 руб.

Славеныйкій старичокъ.

Вилли. Это талантливое произведеніе служитъ блестящимъ подтвержденіемъ словъ стараго князя Гремниа: „Любви всѣхъ возрасты покорны“. Герой романа Тардо прожилъ спокойно до сѣдыхъ волосъ, но, вдругъ на его жизненномъ пути встрѣчается ему воздушная, изящная и красивая, Пиминъ. Спокойствію самоувѣренности Тардо пришелъ конецъ, онъ безумно влюбился. Ц. 1 р.

Игры принца.

Вилли. Въ своемъ новомъ произведеніи, талантливый авторъ нашумѣвшей книги „Клодины“ яркими красками рисуетъ не узкую жизнь современнаго французскаго высшего общества. Цѣна 1 руб.

„ВѢСТНИКЪ РАСТИТЕЛЬНОЙ КОСМЕТИКИ“

ПОМЪЩАЕТЪ СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ:
Какъ излѣчить совершенно безвредными домашними средствами, всякія кожные болѣзни; какъ сохранить и усилить свою красоту; какъ уничтожить всѣ дефекты лица, какъ-то: загаръ, веснушки, угри, прыщи, морщины и гусиные лапки.

Словомъ, все, что можетъ интересовать каждую женщину для ухода за ея здоровьемъ, красотой глазъ и гигиеной тѣла, лица, рта, зубовъ и волосъ, она найдетъ въ этомъ журналѣ.

Подробный иллюстрированный prospectъ о растительной косметикѣ высылается бесплатно.

Адресовать въ Главную Контору редакціи журнала **«Вѣстникъ Растительной Косметики»:**
ПЕТРОГРАДЪ, Дегтярная ул., д. № 26-30

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.
1/2 года 2 " — .
1 мѣс. — " 30 .

Перем. адреса 25 к.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифы объявлений:

За строку непара-
рели въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. строк.)

впер. текста . 90 к.
позади . . . 60 .

Постоянные заказы по
соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№42 — 1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. — Июнь. —

СОПЕРНИКИ.

Рассказъ Юри Зубовскаго.

Въ дачномъ поселкѣ, носившемъ странное и необъяснимое названіе—Ворзель, Катя Тельшевская уже не первое лѣто считалась самой интересной барышней.

Стройная, граціозная съ немного близорукими и благодаря этому приобрѣтавшими особенную прелесть глазами, она напоминала хищнаго, лѣснаго звѣрька—злого, но вмѣстѣ съ тѣмъ — ласковаго, нѣжнаго и очень коварнаго.

Въ дачномъ паркѣ на берегу небольшого, къ концу лѣта покрывшагося тиной, пруда по вечерамъ собиралась молодежь, здѣсь на прибрежномъ пескѣ разводили костры, играли въ горѣлки, пѣли хоромъ заунывные пѣсни и здѣсь-же завязывались веселые лѣтніе романы, кончавшіеся или свадьбой или печальнымъ прощаніемъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, причемъ влюбленные увѣряли другъ друга во взаимной вѣрности, твердили нѣжныя клятвы, скрѣпляя ихъ долгими поцѣлуями и убѣждали самихъ себя въ томъ, что и въ городѣ они свято будутъ любить другъ друга, что перемѣна мѣста, конечно, не повліяетъ на ихъ чувства.

Но городъ имѣетъ свои особые законы, предъявляетъ свои совершенно новыя требованія, и почти всѣ дачные романы, перенесенные изъ привольныхъ полей и лѣсовъ на городскія улицы и въ чопорныя комнаты зимнихъ квартиръ—чахли, увядали и наконецъ умирали, какъ цвѣтокъ выросшій подъ животворными лучами солнца на опушкѣ лѣса и пересаженный въ пыльный скверъ.

Для Кати Тельшевской въ этой недолговѣчности дачныхъ романовъ была особенная, волнующая прелесть—лѣтнія увлеченія ни къ чему не обязывали, доставляли удовольствіе и оставляли послѣ себя свѣтлое воспоминаніе.

Катя испытывала тщеславную гордость замѣчая, какъ съ каждымъ лѣтомъ скамейки въ дачномъ паркѣ все больше и больше заполняются ея вензелями, которые неизмѣнно вырѣзывали многочисленные поклонники Кати.

Въ это лѣто за Катей ухаживали безусый, франтоватый подпоручикъ Смирновъ и лохматый студентъ Воловенко.

Оба они смотрѣли на Катю влюбленными глазами, оба говорили ей о своей любви, и каждый изъ нихъ старался всѣми силами помѣшать Катѣ остаться наединѣ съ соперникомъ.

Все это забавляло Катю, льстило ея самолюбію, и она долго не могла рѣшить кому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

Картины войны. Въ засадѣ.

Смирновъ нравился ей своей полудѣтской наивностью, тихой ласковостью голубыхъ, задумчивыхъ глазъ, а Воловенко поражалъ Катю воображеніемъ своимъ всегда загадочнымъ видомъ, тяжелыми, отрывистыми взглядами темныхъ глазъ и печальной задумчивостью.

Катя была большой фантазеркой и ей казалось что лохматый студентъ хранитъ какую-нибудь важную тайну, что на душѣ его лежитъ огромное жуткое преступленіе, которое не позволяетъ ему быть веселымъ и жизнерадостнымъ.

Трудно сказать, кто оказался бы героемъ лѣтняго Катинаго романа, если бы сама судьба не пришла на помощь подпоручику.

Въ одинъ изъ теплыхъ, задумчивыхъ вечеровъ Катя и Смирновъ отправились гулять въ поле.

Англичане захватили германскаго шпіона, корректировавшего стрѣльбу нѣмцевъ съ чердака сарая.

Подпоручику удалось какимъ то образомъ надуть студента и остаться вдвоемъ съ Катей.

Они долго бродили вдоль межей, срывая васьки, смѣша другъ друга, и совсѣмъ не замѣтили, какъ изъ-за лѣса надвинулась огромная зловѣщая туча и только, когда сердито рявкнулъ громъ и ослѣпительная молнія прорѣзала золотымъ копьемъ сумерки, они замѣтили, что ушли далеко отъ поселка.

Бросились бѣжать, но на полдорогѣ ихъ захватилъ проливной дождь, они вымокли до нитки и укрылись въ полуразрушенной, нежилой сторожкѣ. Катя продрогла отъ вечерней прохлады и можетъ быть поэтому слишкомъ близко прижалась къ подпоручику, сейчасъ же услышала его влюбленный шепотъ, и, когда губы подпоручика коснулись ея щеки, Катя не отодвинулась, не противилась и черезъ нѣсколько мгновений уже отвѣтила поцѣлуемъ на страстные поцѣлуи Смирнова.

Эта прогулка сдѣлала подпоручика героемъ Катинаго романа.

Отъ ревниваго взгляда Воловенко, конечно, не могла укрыться та перемѣна въ отношеніяхъ, которая произошла между подпоручикомъ и Катей и вскорѣ онъ понялъ, что Катя рѣшительно предпочитаетъ ему подпоручика.

Онъ сталъ еще болѣе хмурымъ и съ явнымъ недоброяжелательствомъ смотрѣлъ на своего счастливаго соперника.

Въ ближайшее воскресенье въ паркѣ поселка состоялся танцевальный вечеръ.

Катя и подпоручикъ не разставались: танцевали, веселились, а въ антрактѣ между танцами ушли въ глубь парка.

На одной изъ темныхъ аллей передъ ними выросла фигура студента.

Онъ, видимо, былъ немного пьянъ, пошатывался и вставъ посреди аллеи заговорилъ сиплымъ, невѣрнымъ голосомъ:

— Поздравляю!.. Честь и слава господину подпоручику доблестно побѣдившему сердце прекрасной Екатерины. Ну, что же... Мнѣ время тлѣть, а вамъ цвѣсти... Плодитесь и размножайтесь...

Подпоручикъ вспыхнулъ:

— Вы забываетесь, Воловенко! Ступайте домой и проспите послѣ пьянства!

Студентъ бросился на него.

— Ай,—пронзительно взвизнула Катя.

Пьяный Воловенко пошатнулся и грузно свалился въ росистую траву.

Онъ долго барахтался въ ней, стараясь подняться и отчаянно ругаясь.

— Пойдемте скорѣй,—дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ говорила Катя подпоручику,—Господи, какъ ему не стыдно, право?..

Уходя они слышали, какъ Воловенко крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Подождите, господинъ Смирновъ, мы еще встрѣтимся и посчитаемся съ вами!

Конечно все это приключеніе на слѣдующій же день сдѣлалось достояніемъ Вербелевскихъ кумушекъ и дало имъ богатую пищу для самыхъ разнообразныхъ и дикихъ сплетенъ.

Подпоручикъ, у котораго вообще не было враговъ, твердо рѣшилъ, что отнынѣ Воловенко его заклятый недругъ и только одна смерть можетъ примирить ихъ.

Кромѣ того онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ дня и это обстоятельство заставляло его бросать мрачные взгляды при встрѣчѣ со студентомъ и лихо покручивать воображаемые усы.

Воловенко каждый вечеръ пунктуально напивался и зловѣще поблескивая тяжелыми, темными глазами общался „посчитаться“ съ подпоручикомъ.

Дачныя кумушки придумывали все новыя и новыя версіи и въ разсказахъ Катя фигурировала въ качествѣ демонической женщины, Воловенко—въ качествѣ мрачнаго злодѣя, а юный подпоручикъ являлся благороднымъ рыцаремъ.

Весь поселокъ жилъ этой исторіей, обсуждая ее на всяческія лады.

II.

И вдругъ, грозная вѣсть покатила по всей Россіи, всколыхнула ея жизнь, болью сжала сердца людей и нарушило мирное житіе дачнаго поселка.

Мимо дачныхъ домиковъ, днемъ и ночью, проносились воинскіе поѣзда, изъ ближайшей деревни взяли много запасныхъ, и жуткіе слухи, ползли отъ домика къ домику, наполняя души ихъ обитателей смятеніемъ и тоской.

Въ одинъ изъ этихъ дней уѣхалъ изъ поселка и подпоручикъ Смирновъ, общая Катѣ писать ей изъ дѣйствующей арміи и нѣжно утѣшая плачущую дѣвушку, которая крѣпко полюбила голубоглазаго подпоручика.

Когда поѣздъ ушелъ и исчезъ за лѣсомъ, оставивъ облачко дыма, Катя судорожно вздохнула и низко опустивъ голову пошла съ платформы.

Вскорѣ съ ней поровнялся Воловенко и заговорилъ глухимъ умоляющимъ голосомъ:

— Катя, простите меня за все... Не любите меня, но и не сердитесь, будьте моимъ другомъ. Позвольте мнѣ говорить съ вами, слушать вашъ голосъ, смотрѣть въ ваши глаза. Вѣдь вы, Катя, думаете, что все это—рисовка, а между тѣмъ всего меня захватило неудержимое, глубокое чувство къ вамъ. Вы понимаете, Катя—я васъ люблю... люблю, Катя...

Но Катя не позволила договорить. Она почувствовала, какъ кровь прилила у нея къ головѣ, сердце часто, часто забилось и она почти закричала:

— Послушайте, вы—Воловенко, вы понимаете, то, что говорите? Думаете вы о своихъ словахъ?

Да, подумали-ли вы сейчасъ о томъ, что этотъ самый подпоручикъ уѣхалъ только что, чтобы своей кровью купить покой и мнѣ, и вамъ? Что можетъ быть этотъ самый подпоручикъ вернется изувѣченнымъ, калѣжкой, а мы съ вами за его спиной останемся живы и здоровы?

Катя задыхнулась, лицо ея исказила брезгливая гримаса и она медленно, отчетливо прошептала:

— Вы мнѣ противны, господинъ Воловенко!

Воловенко криво усмѣхнулся и нагло отвѣтилъ:

— Все, что вы сейчасъ сказали, Катя, очень красиво и благородно, но, къ сожалѣнію, для меня неприемлемо, ибо я толстокожий эгоистъ. Объ этомъ говорить и моя фамилія: Вол-овенко! Смыслъ жизни я вижу исключительно только въ личномъ счастьи и совсѣмъ не склоненъ жертвовать собой во имя кого-то или чего-то.. Что? Вамъ кажется это грубымъ и пошлымъ? Что дѣлать! Конечно вамъ голубоглазый херувимчикъ...

— Прошу васъ не говорить такимъ тономъ о моемъ женихѣ!

— Женихъ?—переспросилъ Воловенко и Катя видѣла, какъ на лбу его надулись толстыя, синія жилы,—значить, онъ вашъ женихъ? Ну, такъ честь имѣю сообщить вамъ счастливая невѣста, что я попаду туда, куда уѣхалъ вашъ женихъ и сведу съ нимъ старые счеты. Я не привыкъ уступать другимъ того, что нравится мнѣ.

Катя вздрогнула и тихо отвѣтила:

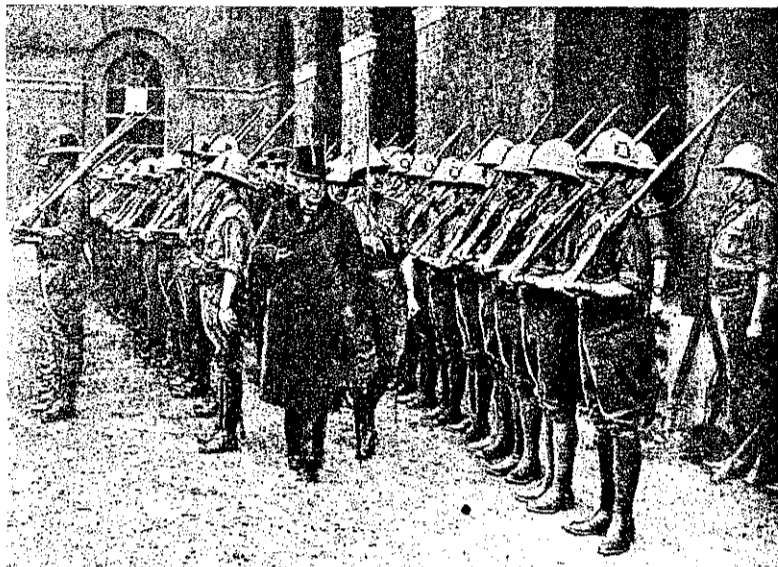
— Вы не сдѣлаете этого, Воловенко.

— Нѣтъ я сдѣлаю,—въ тонѣ ей отвѣтилъ студентъ,—сдѣлаю потому, что я люблю васъ. Понимаете—люблю. А любовь не знаетъ жалости.

Онъ потрянулъ большой лохматой головой и круто повернувшись пошелъ обратно къ желѣзнодорожной платформѣ.

Острая, тревожная тоска сжала сердце дѣвушки, хотѣлось догнать этого злого, настойчиваго чело-вѣка, умолять, его не мстить подпоручику, но ноги сковала непоборимая слабость, голова закружилась, и, безсильно упавъ на траву, Катя горько по дѣтски разрыдалась.

Въ это мгновеніе она впервые почувствовала, какъ дорогъ ей юный, голубоглазый подпоручикъ

Передъ отправкой англійскихъ волонтеровъ въ новыя африканскія колоніи, отобранныя у нѣмцевъ. Смотрѣть.

и что она любитъ его настоящей, глубокой, первой любовью.

Ужась ея положенія заключался въ томъ, что она даже не могла предупредить любимаго о грозящей ему опасности.

По ночамъ она спала тревожно.

Мучили кошмарные, зловѣщіе сны: чудился раненый Смирновъ и склоненный надъ нимъ Воловенко съ лицомъ искаженнымъ ненавистью...

Катя вскрикивала и просыпалась.

— Господи, спаси, спаси, спаси,—шептала она, молитвенно протягивая руки къ старинному образу, озаренному ласковымъ сіяніемъ зеленой лампы.

Гдѣ-то за окнами громыхали поѣздныя колеса и тревожно свистѣлъ паровозъ, уносящій людей туда, гдѣ грозный врагъ занесъ свой изступленный и безпощадный мечъ, нарушивъ мирную жизнь великой, безпредѣльной Россіи.

— Господи, спаси, спаси, спаси,—шептала дѣвушка и чудилось ей, что ликъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ смотрѣлъ на нее съ лаской и участіемъ.

.III.

У Воловенко были давнишнія связи съ военнымъ міромъ и послѣ короткихъ хлопотъ ему удалось попасть въ тотъ полкъ, въ которомъ служилъ Смирновъ.

Жизнь Воловенко была очень тяжела.

Сынъ сельскаго псаломщика, горькаго пьяницы, онъ съ дѣтства велъ полуголодную жизнь, скитался по чужимъ людямъ, вытерпѣлъ много жестокихъ униженій, принялъ много незаслуженныхъ насмѣшекъ и поэтому сталъ озлобленнымъ подозритель-но скрытнымъ и въ каждомъ встрѣчномъ видѣлъ врага.

Онъ писалъ дневникъ и если бы кто-нибудь поинтересовался перелистать и хоть мелькомъ пробѣжать написанное въ немъ, то понялъ бы какъ сильно и безпощадно исковеркала жизнь душу этого чело-вѣка.

На его глазах пьяница-отец вогналъ въ гробъ лобоями мать, которую Воловенко любилъ глубоко и свято, чужіе люди, взявшіе мальчика на воспитаніе, грубо оскорбляли его самолюбіе, дѣлая обидную разницу между ихъ отношеніями къ нему и къ своимъ дѣтямъ, рѣзко на каждомъ шагѣ подчеркивая, что онъ—Воловенко живетъ изъ милости.

Все это озлобило мальчика и выросъ онъ—затравленнымъ, одичалымъ, твердо увѣровавшимъ въ то, что нельзя и не надо жалѣть и прощать людей, а наоборотъ завоевывать свое счастье какими угодно путями и, если это счастье люди захотятъ отнять, то мстить имъ, мстить самымъ беспощаднымъ, самымъ жестокимъ образомъ.

ИЗЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Казачій постъ въ Манчжуріи.

Не испытавшій никогда ласки, знавшій только любовь продажныхъ женщинъ, Воловенко принялъ кокетство Кати за настоящее чувство и горячо, беззаветно полюбилъ ее, полюбилъ ее всей своей нескладной, тяжелой душой.

Поэтому такъ нестерпимо-больно ранило его то предпочтеніе, которое отдала Катя подпоручику.

И тогда въ больной, униженной жизни душѣ Воловенко загорѣлось чувство мести, мести, за отнятое, улыбнувшееся ему счастье, за его поруганную любовь.

Когда война всколыхнула своимъ неожиданнымъ

приходомъ всю страну, и разбудила спавшія людскія души для жертвъ и посильныхъ подвиговъ—Воловенко, всецѣло поглощенный драмой своего сердца, совершенно не почувствовалъ общаго подъема, не поддакъ его волнѣ, а всѣ мысли и желанія свои сосредоточилъ на томъ—какъ бы отомстить Смирнову и этой местию оправдать свою, горькимъ опытомъ выработанную, теорію о непрощеніи людямъ обидъ и сладостью мести хоть немного успокоить лютую боль раненаго сердца.

Кругомъ кипѣла новая, необычная жизнь.

Маленькіе, будничные люди неожиданно становились героями, совершали изумительные подвиги, жертвовали для блага родины все, что имѣли, оставляли семью и шли туда, куда звала ихъ встревоженная гуломъ небывалой битвы Россія, и только Воловенко оставался вѣренъ себѣ: онъ попрежнему ненавидѣлъ людей, попрежнему презиралъ ихъ альтруистическіе порывы и горѣлъ жаждой отомстить тому, который, какъ казалось ему, отнял его счастье.

Полкъ, въ который по его желанію былъ зачисленъ Воловенко и въ которомъ служилъ подпоручикъ Смирновъ, въ самомъ началѣ войны перешелъ границу, и былъ однимъ изъ полковъ, получившихъ раньше другихъ боевое крещеніе и стяжавшихъ доблестную, геройскую славу.

IV.

Съ Воловенко Смирновъ столкнулся лицомъ къ лицу въ занятой безъ боя русскими войсками австрійской деревушкѣ.

Смирновъ сразу узналъ Воловенко, хотя послѣдній сильно измѣнила солдатская форма и коротко остриженная голова.

— И вы здѣсь?—искренно удивился и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался, уже забывшій о лѣтнемъ столкновеніи съ Воловенко, подпоручикъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—взявъ подъ козырекъ, отрывисто и глухо отвѣтилъ Воловенко.

Подпоручикъ официальный отвѣтъ Воловенко принялъ за шутку и весело разсмѣявшись быстро заговорилъ, видимо искренно радуясь, что нежданно встрѣтилъ здѣсь знакомаго человѣка:

— Ну, какъ, Воловенко, чувствуете себя? Значитъ и васъ захватила война. Великое, знаете, время переживаетъ Россія—страшное, тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное. И удивительно, знаете, никакого страха не испытываешь во время сраженія. Сначала съ непривычки какъ-то нехорошо было, а теперь свыкъся, даже другой, покойной жизни не могу себѣ представить. Если бы мнѣ сейчасъ предложили вернуться назадъ, я бы ей-Богу, не согласился. Вотъ когда мы окончательно побѣдимъ врага, тогда—съ удовольствіемъ, а пока видѣть никого не хочу...

Воловенко, все время съ плохо скрываемой неприязнью, угрюмо слушающій подпоручика при послѣднихъ словахъ его вздрогнулъ и глухо спросилъ:

— А Катю?

По лицу Смирнова пробѣжала тѣнь грусти и онъ задумчиво отвѣтилъ:

— Катю?.. Да, я люблю ее, очень люблю, но все-таки даже ради нея я не согласился бы вернуться, обратно. Понимаете, Воловенко, Катя и все связанное съ нею это—мое личное счастье, а

здѣсь — неизмѣримо большее. Здѣсь — счастье всей моей родины, всего моего народа и даже, если хотите, здѣсь и Катино счастье. Я не могу, да и не хочу думать о моемъ счастьи, о моей жизни теперь, когда на карту поставлена жизнь и будущее всей Россіи. Не знаю, Воловенко, но мнѣ кажется, что сейчасъ я счастливъ. Счастливъ тѣмъ, что я чувствую, что я приношу пользу всѣмъ, что я нуженъ...

А какъ вы думаете?

Воловенко нахмурился:

— Не знаю, не знаю...

V.

Всю эту ночь Воловенко, несмотря на страшную усталость не могъ заснуть.

Онъ думалъ о подпоручикѣ, о его словахъ и — странно — онъ не испытывалъ знакомой, жгучей ненависти къ Смирнову.

Онъ старался вызвать въ душѣ своей это привычное чувство, но оно не приходило даже при воспоминаніи о Катѣ, о его неудачной любви, а, наоборотъ, приходили теплыя, пріятныя, какъ лѣтній дождь, новыя мысли.

Думалось о томъ, какъ безропотно и радостно идутъ въ бой солдаты, ни на кого не сѣтуя, не жалуясь, не проклиная, пріемля смерть и страданія такъ просто, какъ будто это не подвигъ съ ихъ стороны, а самое обыкновенное дѣло.

И въ противовѣсъ этому проплывала передъ глазами Воловенко его жизнь, наполненная жгучею злобой, ненавистью, безысходно-темная и жуткая...

Подъ утро заснулъ Воловенко и, снилась ему Катя въ формѣ сестры милосердія съ краснымъ крестомъ на груди, нѣжно склонившаяся надъ умирающимъ солдатомъ.

VI.

На слѣдующій, день австрійцы, озлобленные неудачами прошлыхъ дней пошли приступомъ на деревушку. Засвистѣли пули и завязался ожесточенный бой. Смирновъ командовалъ своей ротой и совершенно не замѣтилъ, поглощенный боемъ, какъ вырвавшійся впередъ австрійскій кавалеристъ занесъ надъ нимъ саблю.

Въ это время какая-то сѣрая фигура выросла между австрійцемъ и подпоручикомъ, быстро оттолкнула Смирнова и приняла на себя сабельный ударъ. Кто-то мѣткимъ выстрѣломъ убилъ лошадь австрійца, и она грузно рухнула на землю, придавивъ всей своей тяжестью всадника.

Только теперь понялъ Смирновъ какой огромной, смертельной опасности подвергался онъ и, не обращая вниманія на градъ пуль, склонился надъ тѣмъ, который цѣною собственной жизни спасъ его.

— Воловенко! — вскрикнулъ онъ, узнавъ въ защитившемъ его солдатѣ, студента.

ПРОШЛОЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Завоеваніе Царьграда. Въѣздъ султана Магомета II въ Царьградъ.

Раненый слабо улыбнулся и съ трудомъ, волнуясь заговорилъ:

— Я... скоро умру... Пустяки... Я васъ ненавижу и вообще всѣхъ... Понялъ — надо любить... Прощать... Катѣ скажите... Я любилъ... Въ вещахъ — мой дневникъ... Тамъ — вся моя жизнь... Простите... За Катино счастье... Въ войнѣ радость... Ка...

Воловенко, не договоривъ, глаза его закрылись и тѣло подъ сѣрой шинелью, на которой расплылось огромное кровавое пятно, начало конвульсивно вздрагивать... Къ русскимъ подоспѣли подкрѣпленія и австрійцы отступали.

Радостно тревожа дали, звенѣло не умолкая громкое, нестройное — Ура!..

VII.

Скоро подпоручикъ получилъ письмо отъ Кати, въ которомъ дѣвушка умоляла его остерегаться Воловенко, такъ какъ тотъ рѣшилъ отомстить ему. Сердце подпоручика болѣзненно сжалось и едва сдерживая непрошенныя слезы, онъ прошепталъ:

— Отомстил!.. Бѣдный, добрый...

Юрій Зубовскій.

ТУРОКЪ. Погодите, господа, минутку. Тамъ вдали бѣжитъ сюда итальянецъ, дайте успѣть и ему присоединиться! И еще просьба — подождите Румынію! Ну, что вамъ стоитъ! Торопитесь некуда! Дайте мнѣ еще недѣлку пожить въ Европѣ!

ИНТИМНАЯ ПРАВДА О СЕМЬѢ КАЙЗЕРА.

(Вильгельмъ II въ домашнемъ быту).

Англичанка Анна Тофамъ, острая и наблюдательная женщина, провела нѣсколько лѣтъ, начиная съ 1902 года, въ качествѣ преподавательницы англійскаго языка, при единственной дочери Вильгельма II Викторіи-Луизѣ. Съ юморомъ рассказываетъ Анна Тофамъ въ своей только что вышедшей на русскомъ языкѣ книгѣ «При дворѣ Гогенцолерновъ», характерные эпизоды изъ жизни германской императорской семьи.

Въ свою семью, — говоритъ Анна Тофамъ, — Вильгельмъ является безъ всякаго воинственнаго пыла и становится простымъ домашнимъ «папой», чрезвычайно любящимъ пошутить въ кругу своей семьи и грѣшащимъ непростительно неудачными остротами.

Однажды послѣ урока моя воспитанница начинаетъ забавляться

тѣмъ, что подражаетъ хлопанью, съ которымъ вылетаетъ пробка изъ бутылки шампанскаго и затѣмъ звуку льющагося вина. Она вообще страшно любитъ мальчишествовать.

— Отъ кого вы этому научились? Это непристойно для благовоспитанной барышни, — строго спрашиваю я.

— Тсс! Отъ папы! — отвѣчаетъ проказница, и, глядя на меня лукавыми глазами, повторяетъ эти недостойные звуки съ еще большимъ совепшенствомъ, чѣмъ раньше.

— Папа это дѣлаетъ замѣтательно!

Очевидно, въ промежуткахъ между парадами и воинственными рѣчами, «папа» любитъ сбрасывать съ себя официальную бутафорію и отдыхать во-всю. Между прочимъ, оказалось, что «бѣдной мамѣ» въ его присутствіи почти никогда не удается основательно позавтракать: надо налить «папѣ» кофе, надо намазывать ему масломъ хлѣбъ и вообще ухаживать за нимъ, и не успѣетъ она приступить къ ѣдѣ, какъ «папа» срывается изъ-за сто-

ла, выскакиваетъ во дворъ и съзываетъ собакъ; всѣмъ приходится быстро напяливать пальто для ранней прогулки.

— Идите скорѣе, идите же! — кричитъ онъ съ веселымъ нетерпѣніемъ. — Какъ любите засиживаться за столомъ! Неужели еще не наѣлись? — Всѣмъ приходится бросать ѣду и отправляться на прогулку по городу и холмамъ, которая длится по крайней мѣрѣ часъ...

...Присутствіе императора, — заключаетъ г-жа Тофамъ, — довольно утомительно для всего двора, который во всякую минуту долженъ быть готовъ къ мобилизаціи; съ раннего утра и до поздней ночи нѣтъ буквально ни одной минуты отдыха, и я едва успѣвала смѣнять одинъ костюмъ на другой...

Отношенія между «папой» и принцессой Викторіей — самыя дружескія. Онъ дѣлаетъ ей часто подарки, которые дочь чрезвычайно цѣнитъ. Иногда эти подарки бывають въ достаточной мѣрѣ эксцентричны. Такъ, однажды императоръ прислалъ своей дочери подарокъ, пришедшійся ей чрезвычайно по сердцу. Это былъ... крошечный, пухленькій поросенокъ, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. «Изъ окна своей спальни, — пишетъ г-жа Тофамъ, — я вдругъ увидѣла такую картину: поросенокъ, повидимому, только что вымытый и вычищенный, съ голубой ленточкой, обвязанной вокругъ изящнаго изгиба его хвостика, мчался по двору подгоняемый нѣсколькими лакеями и двумя принцессами, которая несли за нимъ по пятамъ, рѣшивъ, что это упражненіе ему необходимо послѣ утомительнаго путешествія по желѣзной дорогѣ въ небольшой плетеной корзиночкѣ. Даже часовые, несмотря на свою военную суровость, не могли не улынуться при видѣ его прыжковъ, и того, какъ онъ ловко ускользалъ среди ногъ преслѣдователей.

Принцесса была въ восторгѣ отъ «папиной свинки» и чрезвычайно негодовала, что ей не позволили держать эту свинку въ своей комнатѣ, а очень комфортабельно устроили ее въ конюшнѣ».

Свинка выросла, разжирѣла и ее постигла участь, общая для всѣхъ свиней. Любопытно, что принцесса мало грустила о своей любимицѣ. «Она даже чувствовала къ ней благодарность, — рассказываетъ г-жа Тофамъ, — за ту кругленькую сумму, которую она за нее выручила: ибо, хотя принцесса и не платила за содержаніе свинки, тѣмъ не менѣе

потребовала, и, конечно, получила те деньги, которые мясник заплатил за бранные останки ее любимцы.

— Какъ было бы хорошо, если бы папа мнѣ подарилъ еще одного поросенка, — со вздохомъ проговорила она, когда деньги уже были на исходѣ. — Тотъ былъ такъ кстати!

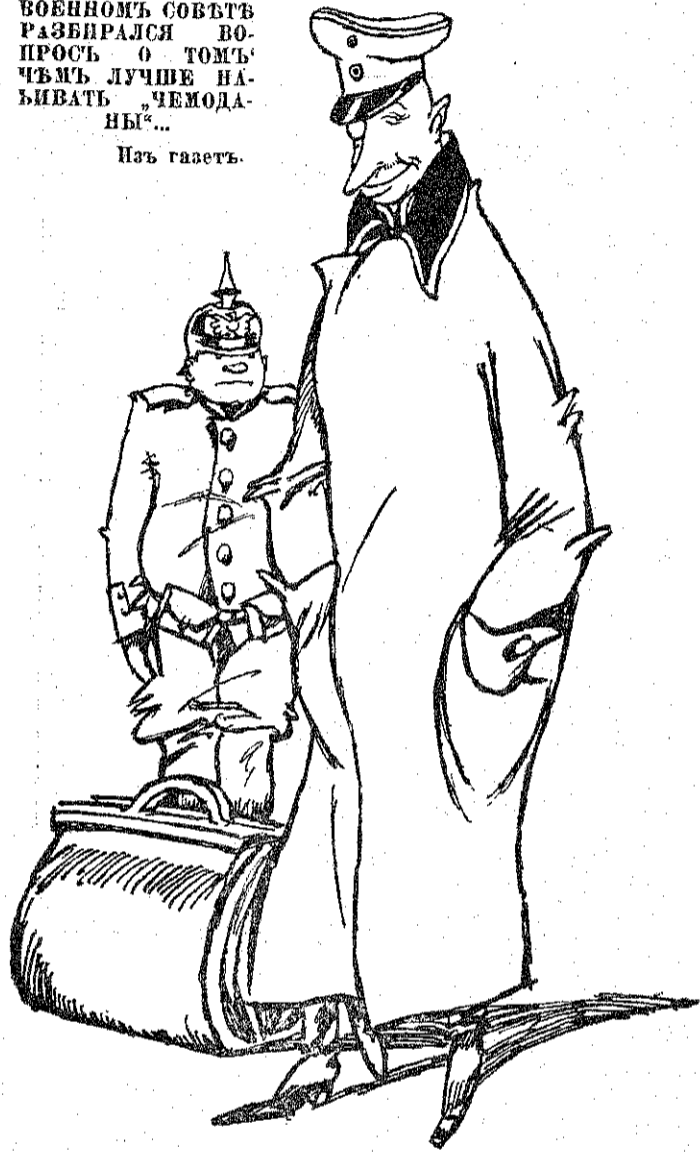
До семнадцатилѣтняго возраста принцессѣ выдавалось ежемѣсячно всего пять марокъ на ея личные расходы, и, составляя предварительную смету, она всегда горевала по поводу хронически недостающихъ ей 35 пфениговъ. Принцамъ, очевидно, деньги тоже давались въ обрѣзъ, и г-жа Тофамъ была однажды свидетельницей такой любопытной сценки. Въ сочельникъ Вильгельмъ обыкновенно выходитъ гулять пѣшкомъ, причемъ всѣмъ встрѣчнымъ, богатымъ и бѣднымъ, раздастъ золотыя и серебряныя монеты. Однажды въ сочельникъ принцесса гуляла съ четырьмя своими братьями по главной аллеѣ сада, когда вдали показался императоръ. Принцъ Фрицъ тотчасъ же сообразилъ, что судьба посылаетъ имъ случай пополнить оскудѣвшіе кошельки, и по его командѣ компанія выстроилась во фронтъ на краю дороги и, когда проходилъ императоръ, отдала честь по-военному; онъ отвѣтилъ на привѣтствіе, но тутъ же ворчливо замѣтилъ: «Напрасно стараетесь, ничего не дамъ». Юнцы разсмѣялись, но физиономіи у нихъ вытянулись.

— Что ему стоило дать намъ хоть по одной маркѣ, — разочарованно пробормотала принцесса.

Кайзеръ, какъ извѣстно, считающій себя специалистомъ во всевозможныхъ областяхъ науки, искусства и жизни, претендуетъ также на пониманіе дамскихъ модъ и ежегодно ко дню рожденія императрицы подноситъ ей дюжину шляпъ. «Императоръ при этомъ очень любитъ, чтобы хвалили его вкусъ; ему нравится сознавать, что даже великіе умы могутъ подчасъ съ успѣхомъ заниматься и пустяками; ему доставляло громадное наслажденіе думать, что императрицѣ къ лицу «его» шляпа. Поэтому въ день рожденія императрицы можно было подумать, что торжество устраивается въ честь шляпъ: онѣ занимали всю авансцену, всѣ только о нихъ и говорили, а роскошный жемчугъ, брилліанты и прочія цѣнные вещи, которыми и императоръ и принцы осыпали императрицу, скромно отступали на задній планъ».

Какъ извѣстно, Вильгельмъ счи-

ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ
ВОЕННОМЪ СОВѢТѢ
РАЗБИРАЛСЯ ВО-
ПРОСЪ О ТОМЪ
ЧѢМЪ ЛУЧШЕ НА-
БИВАТЬ ЧЕМОДА-
НЫ?...
Изъ газетъ.

КРОНПРИНЦЪ. Я очень хорошо знаю, чѣмъ лучше всего набивать чемоданы.

таетъ себя образцовымъ композиторомъ и музыкантомъ. Однажды, послѣ торжественнаго обѣда во дворцѣ, игралъ оркестръ. Его величество стоялъ нѣкоторое время одинъ передъ оркестромъ, раскачиваясь и отбивая тактъ ногой, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стояла принцесса и принцъ Иоахимъ — младшій сынъ Вильгельма, и продѣлывали совершенно тѣ же движенія, притоптывая всѣ трое лѣвой ногой и слегка раскачиваясь. Они при этомъ чрезвычайно походили на марионетокъ, которыхъ дергали за веревочки. Капельмейстеръ продолжалъ невозмутимо отбивать тактъ, какъ вдругъ его величество сдѣлалъ знакъ одному изъ

своихъ адъютантовъ и тотъ тотчасъ же доставилъ ему дирижерскую палочку. Императоръ, съ палочкой въ рукахъ, сталъ помогать капельмейстеру дирижировать оркестромъ; дѣти же, поднявъ указательныя пальцы, въ свою очередь, стали дирижировать, помогая отцу и капельмейстеру.

Музыканты съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ четырехъ дирижеровъ, отбивавшихъ тактъ въ разное время, и не знали, за кѣмъ изъ нихъ слѣдовать; но затѣмъ они съ честью вышли изъ положенія: устались въ ноты и, ни на кого не глядя, благополучно доиграли до конца.

Музыкальный вкусъ его величе-

СИГНАЛЬЩИКИ ВЪ ДАГОМЕВЪ.

Между двумя пунктами, болѣе или менѣе отдаленными разставляются солдаты съ ружьями. Какъ только въ конечномъ пунктѣ показался непріятель, ближайшій къ пункту солдатъ стрѣляетъ изъ ружья, слѣдующій за нимъ тотчасъ дѣлаетъ то же, и выстрѣлы повторяются одинъ за другимъ вплоть до другого конечнаго пункта, на которомъ ждутъ извѣстія. Такимъ образомъ цѣпь солдатъ съ ружьями замѣняетъ у дагомейцевъ въ походѣ телеграфъ.

ства не отличается особенной изысканностью. Больше всего онъ любитъ военную музыку, и вообще музыку съ четкимъ ритмомъ, а къ Вагнеру онъ совершенно равнодушенъ.

Всѣ попытки императора на музыкальномъ поприщѣ были очень неудачны, и тѣ оперы, крестнымъ отцомъ которыхъ онъ состоялъ, никогда не собирали полного сбора. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что у берлинской публики нѣтъ настоящаго вкуса, но критики относились къ его операмъ съ большимъ пренебреженіемъ и, въ лучшемъ случаѣ, замалчивали ихъ, а газеты печатали только, что представленіе такой-то оперы состоялось, но удерживались отъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ.

Г-жу Тофамъ Вильгельмъ въ

шутку называлъ англійскимъ «дредноутомъ» и нерѣдко вступалъ съ ней въ бесѣды на политическія темы. Онъ неоднократно высказывался по поводу варварства Наполеона, который истребилъ въ Германіи сокровища искусства. «Искусство и война, — говорилъ императоръ, — не могутъ ужиться рядомъ другъ съ другомъ. Мы слишкомъ много воевали и теперь намъ приходится все возсоздавать, строить все чуть-ли не съ основанія».

Не изъ мести-ли къ Наполеону разрушаетъ теперь Вильгельмъ Реймсскій соборъ?

Впрочемъ, кайзеръ нерѣдко старается подражать даже манерамъ Наполеона, и кое-когда даже шиплетъ за ухо кого-нибудь изъ своихъ близкихъ друзей.

Вильгельмъ ненавидитъ суффра-

жистокъ, и на эту тему неоднократно пререкался съ г-жей Тофамъ. «Ради самого Бога, — просилъ онъ, — объясните, зачѣмъ женщинамъ нужно право вотировать?» Но разъяснить ему этого такъ и не удалось. «Женщины должны сидѣть дома и заботиться о дѣтяхъ», — таково его послѣднее слово по этому вопросу, тѣмъ не менѣе, онъ возвелъ нѣсколькихъ женщинъ въ чинъ полковника и даже свою дочь, которая числится при гусарахъ смерти.

— Она будетъ стоять во главѣ того самаго полка, который первымъ высадится въ Англію, — сообщилъ онъ однажды г-жѣ Тофамъ.

— Что же, мы будемъ очень рады ей, — отвѣтила послѣдняя.

Г-жѣ Тофамъ пришлось присутствовать при вѣздѣ императора въ Мецъ, гдѣ Вильгельмъ производилъ смотръ войскамъ. Отъ наблюдательной англичанки не ускользнула разница во встрѣчѣ, какую оказалъ императорской четѣ этотъ городъ въ сравненіи съ другими городами имперіи.

«Вѣздъ въ этотъ городъ, — пишетъ она, — долженъ былъ непріятно поразить ихъ величество, привыкшихъ къ улыбкамъ и громкимъ, восторженнымъ привѣтствіямъ толпы. Здѣсь же не было ни привѣтствій, ни улыбокъ, не было и ни одного флага... И длинный рядъ каретъ, окруженный всадниками, медленно двигался по улицамъ подъ единственный звукъ — грохотъ собственныхъ колесъ... Въ атмосферѣ чувствовалась французская враждебность...»

Наступившая весна съ неизбѣжными при войнѣ эпидеміями грозитъ кайзеру большими непріятностями. Дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству г-жи Тофамъ, императоръ Вильгельмъ страшно боится всякихъ заразительныхъ болѣзней, а особенно обыкновеннаго насморка.

Несчастливымъ сановникамъ, призваннымъ ко двору, въ то время, какъ они страдаютъ этой болѣзью, приходится обыкновенно укрываться за благодѣтельной зеленью пальмъ, чтобы тайкомъ высморкаться, или проскальзывать на террасу, чтобы не чихнуть въ присутствіи его величества.

«Какъ только самъ императоръ схватываетъ насморкъ, онъ тотчасъ же ложится въ постель, всѣ прѣмы, конечно, прекращаются, пока императоръ не выздоровѣетъ».

«Сколько я помню паническихъ бѣгствъ изъ одного дворца въ другой, — пишетъ г-жа Тофамъ. — Бѣгствъ внезапныхъ отъ призрака

кори, вѣтряной оспы или скарлатины, часто только для того, чтобы въ другомъ дворцѣ попасть на еще худшую болѣзнь, занесенную туда еще до насъ».

Куда же спрячется императоръ Вильгельмъ отъ тифа, холеры, оспы и другихъ неизбѣжныхъ спутниковъ войны? Или, быть можетъ, онъ попроситъ мира, испугавшись эпидемій!?

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ ВАРШАВѢ.

(По запискамъ графини Потоцкой).

Императоръ объявилъ, что такъ какъ сражаться изъ-за морозовъ нельзя, то онъ желаетъ, чтобы веселились.

Время было благоприятное, только что началась масленица. Рѣшено было, что первый балъ состоится у Талейрана, оберъ-камергера и министра иностранныхъ дѣлъ.

Императоръ и всѣ принцы должны были присутствовать на балу.

Увѣряли, что будетъ приглашено всего 50 дамъ, но этотъ строгій этикетъ не могъ устоять противъ тысячи мелочныхъ интригъ, обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ.

Несомнѣнно, это было одно изъ тѣхъ празднествъ, которое никому не хотѣлось бы пропустить.

Тщеславіе и любопытство были возбуждены до крайности. Что до меня касается, то я сгорала желаніемъ увидѣть хозяина дома, слышавшаго самымъ любезнымъ и самымъ остроумнымъ человекомъ своего времени.

Не сумѣю выразить удивленія, испытаннаго мною, когда я увидала его съ трудомъ выступающимъ на середину дома съ сложенной салфеткой подъ мышкой и съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ на которомъ онъ подавалъ стаканъ лимонаду тому самому монарху, котораго за глаза называлъ выскочкой!

Это было одно изъ самыхъ любопытныхъ собраний, на какихъ мнѣ когда-либо случалось быть. Императоръ протанцевалъ кадрили, послужившую предлогомъ къ его связи съ госпожей Валевской.

— Какъ вы находите, хорошо я танцую? — спросилъ онъ меня, смѣясь, — я думаю, вы насмѣхались надо мною?

— Право, ваше величество, — отвѣчала я, — для великаго человека вы танцуете въ совершенствѣ.

Незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ стѣлъ между этой будущей фавориткой и мною; поговоривъ нѣсколько минутъ, онъ спросилъ меня, кто такая его со-

«Поповка» — оригинальный типъ русскаго броненосца эпохи русско-турецкой войны 1877 года.

сѣдка съ другой стороны. Когда я назвала ее, онъ повернулся къ ней съ самымъ внимательнымъ видомъ.

Какъ мы узнали впоследствии, Талейранъ простеръ свою внимательность до того, что устроилъ это первое свиданіе и облегчилъ предварительныя затрудненія.

Увѣряютъ, будто замѣтили, что послѣ кадрили императоръ пожалъ ей руку, что, говорятъ, равносильно было назначенію свиданія.

Дѣйствительно, оно и произошло на другой день вечеромъ. Рассказываютъ, что одинъ высокопоставленный сановникъ былъ посланъ за красавицей; толковали про неожиданное и незаслуженное повышеніе кутилы-брата, про бриллиантовый уборъ, поднесенный, но не принятый. Доходили до того, будто мамлюкъ Рустанъ исполнялъ роль горничной... чего не рассказываютъ въ подобныхъ случаяхъ? Достоверно лишь одно, — всѣ мы были въ отчаяніи, что особа, принятая въ общество, проявила такую уступчивость и защищалась столь слабо.

Но время придающее окраску всему, сообщило и этой связи, начатой съ такой легкостью, отбѣнокъ постоянства и безкорыстія, отчасти изгладившій неблагодарность дебюта и въ концѣ концовъ поставившій г-жу Валевскую на ряду съ самыми интересными личностями ея времени.

Очаровательно хорошенькая, она напоминала собою головку Грѣза, ея глаза, ротъ, зубы были удивительны, а смѣхъ такъ свѣжъ, взглядъ такъ кротокъ, общее впечатлѣніе, производимое ея лицомъ, такъ восхитительно, что забывалась неправильность ея чертъ.

Выданная замужъ 16-ти лѣтъ за восьмидесятилѣтняго старика, никуда не показывавшагося, она пользовалась въ свѣтѣ положеніемъ молодой вдовушки.

Какъ только Императоръ сдѣлалъ свой выборъ, принцы императорской фамилии тоже захотѣли послѣдовать его примѣру.

Однажды мнѣ доложили о приходѣ г. Жанье, секретаря принца Мюрата. Онъ появился съ ключемъ въ рукахъ, очень сконфуженный. Не зная съ чего начать, онъ стоялъ смиренненько и вертѣлъ въ рукахъ ключъ, не смѣя взглянуть на меня, а я между тѣмъ ломала себѣ голову и никакъ не могла догадаться, чего ему отъ меня нужно.

Для того, чтобы этотъ анекдотъ сталъ понятнымъ, надо объяснить въ двухъ словахъ устройство дома. Между этажемъ, занимаемымъ моею свекровью, и нижнимъ этажемъ, гдѣ находились покои, уступленные мною принцу Мюрату, находился маленькій мезонинъ.

Моя свекровь пользовалась этими комнатами только въ сильные холода, потому что онѣ устанавливали теплое

Въ эпоху войнъ Александра Македонскаго. Приступъ.
Сломанная лѣстница.

сообщеніе между обоими помѣщеніями, при помощи потайной лѣстницы.

Эта миленькая квартирка, меблированная и убранныя въ стилѣ Людовика XV, считалась частью большой квартиры; ключъ отъ нея отдали людямъ принца Мюрата, какъ только онъ переселился въ нашъ домъ, и потомъ никто о немъ не вспоминалъ. И вотъ теперь этотъ самый ключъ поручено было г. Жанвье возвратить мнѣ.

Какъ человекъ умный, онъ сознавалъ все неприличіе этого порученія и былъ вдвойнѣ смущенъ, видя, что я не понимаю его и упорно отказываюсь отъ этого ключа, какъ вещи мнѣ ненужной, такъ какъ, живя въ одномъ этажѣ съ моей свекровью, я не имѣла никакой надобности въ потайной лѣстницѣ.

Замѣтивъ, до какой степени я далека отъ истины, онъ отважился сказать мнѣ, что его высочество, не осмѣливаясь предлагать мнѣ многолюдныхъ собраній, полагаютъ, что мнѣ можетъ быть пріятно будетъ иногда приходить пить чай въ этихъ элегантныхъ будуарахъ. Я начинала понимать и во

мнѣ вскипалъ гнѣвъ... Онъ, вѣроятно, замѣтивъ это по моимъ глазамъ, и мнѣ показалось, что онъ готовъ упасть со стула. Онъ поднялся, спотыкаясь, направился къ столику, положилъ на него злополучный ключъ и, отвѣсивъ мнѣ глубокой поклонъ, приготовился уйти.

Я сдерживалась съ трудомъ... негодование вдохновило меня. Улыбаясь самой презрительной улыбкой, я попросила г. Жанвье передать принцу, что моя свекровь навѣрное будетъ очень благодарна ему за его вниманіе, что обыкновенно въ ея года не любятъ многолюдныхъ собраній, и что очень можетъ быть, она пожелаетъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ его высочества; во всякомъ случаѣ, разъ онъ оставляетъ ключъ у меня, то я передамъ его моей свекрови. И поклонившись свысока бѣдному секретарю, окаменѣвшему у дверей, я вышла изъ гостиной.

Кромѣ баловъ разъ въ недѣлю происходили пріемы при дворѣ. Вечеръ начинался прекраснымъ концертомъ и кончался партіей въ вистъ.

Императоръ всегда съ утра назначалъ дамъ, которыя должны были вечеромъ составить ему партію. Выборъ падалъ обыкновенно на одну изъ самыхъ пожилыхъ и на двухъ самыхъ молодыхъ. Меня научили играть съ грѣхомъ пополамъ и въ первый разъ, какъ мнѣ досталась на долю эта столь желанная честь, у меня вырвался необдуманный отвѣтъ, который однако, понравился, такъ какъ съ этого дня мое мѣсто за игорнымъ столомъ осталось несмѣняемымъ.

Въ то время какъ сдавали карты, Наполеонъ обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— А почему мы играемъ?

— Что-жъ, ваше величество, отвѣчала я, — поставьте какой-нибудь городъ, какую-нибудь провинцію, какое-нибудь государство!

Онъ разсмѣялся.

— А вдругъ если вы проиграете? — молвилъ онъ съ тонкой улыбкой.

— Ваше величество богаты, можетъ быть вы соблаговолите заплатить за меня.

Это словечко упрочило за мной благосклонность Наполеона — и она никогда не ослабѣвала, какъ въ Польшѣ, такъ и Парижѣ. Наполеонъ всегда обращался ко мнѣ съ уваженіемъ и окружалъ меня внимательностью.

Очень любопытно было наблюдать, какъ всѣ мелкіе германскіе принцы, слѣдовавшіе за главной квартирой, подъ разными предлогами, дежурили тутъ-же во время игры императора въ вистъ.

Былъ тутъ, между прочимъ, наследникъ баварскаго престола, который почтительно цѣловалъ руку Наполеона всякій разъ какъ ему удавалось ею завладѣть; но онъ имѣлъ дерзость быть влюбленнымъ въ госпожу Валуевскую! Наполеонъ впрочемъ ни мало не тревожился этимъ соперничествомъ. Говорять даже — это забавляло его. Принцъ, страшно обиженный природой, былъ кромѣ того глухой и зайка.

Такъ какъ моя свекровь была единственная варшавянка, еще сохранившая салонъ, то она принуждена была дать нѣсколько танцевальныхъ вечеровъ. Множество иностранцевъ, пріѣхавшихъ вслѣдъ за дипломатическимъ корпусомъ, только и жаждали веселья. Такъ-называемые «принцы крови» не пропустили ни одного изъ этихъ собраній, не компрометируя, однако, своего достоинства, потому что они танцевали только на придворныхъ балахъ!..

Мое положеніе не позволяло мнѣ предаваться удовольствіямъ этого рода, я осуждена была развлекать наименѣ интересныхъ: почти всегда такова судь-

ба лицъ, обязанныхъ разыгрывать роль хозяевъ дома.

Принцъ Мюрать, не смущаясь неудачей его смѣшной попытки, пользовался этими случаями, чтобы разговаривать со мною и осыпать меня пошлостями. Я даже не старалась скрывать отъ него, какъ мнѣ скучно его слушать; наконецъ, онъ это замѣтилъ, правда; немного поздно; тогда, принявъ мелодраматическій тонъ, онъ произнесъ ту смѣшную фразу, которая казалась еще смѣшнѣе отъ его гасконскаго акцента и надъ которой такъ много смѣялись мои друзья:

— Madame Alessandre, вы не честолюбивы, вы не любите принцевъ!

Въ Парижѣ мнѣ рассказали рендантъ къ этому анекдоту. Въ тотъ день, когда Мюрать былъ провозглашенъ королемъ неаполитанскимъ, одна красавица, прельщенная его величіемъ, согласилась назначить ему свиданіе. Такъ какъ государственныя заботы еще не отнимали у него много времени, то онъ пришелъ на свиданіе слишкомъ рано, и, потерявъ терпѣніе, дожидаясь, схватился за голову, восклицая:

— Видали вы когда-нибудь монарха болѣе несчастнаго?

Погода была еще суровая и, не зная, чѣмъ занять время, Наполеонъ послалъ за Валуевскою.

Братъ красавицы, изъ поручковъ произведенный сразу въ полковники, послѣшилъ таинственно привезти ее въ главную квартиру.

Почти немедленно узнали, что ночью пріѣзжала карета съ тщательно спущенными шторами, а остальное не трудно угадать. Единственное, что осталось неизвѣстнымъ, это мѣсто, куда высадили путешественницу.

Вотъ подробности, переданныя мнѣ, нѣкоторое время спустя, одною, нескромною на языкъ, подругою Валуевскою.

Императоръ приказалъ приготовить для нея кабинетъ рядомъ со своею спальнею. За исключеніемъ краткихъ промежутковъ времени, когда Наполеонъ и Валуевская бесѣдовали другъ съ другомъ, остальное время она проводила печально и въ одиночествѣ. Она не видала ни души. Принцъ Невшательскій былъ единственнымъ человѣкомъ, однажды увидавшимъ ее въ ту минуту, когда она убѣжала изъ кабинета Наполеона, съ которымъ она завтракала.

Замѣтивъ двѣ чашки на подносѣ, Бертье позволилъ себѣ улыбнуться.

— Что такое? — промолвилъ Наполеонъ такимъ тономъ, словно хотѣлъ сказать: «не суйтесь не въ свое дѣло!»

И военный министръ тотчасъ же приступилъ къ важному дѣлу, для котораго пришелъ, давъ себѣ слово лишь съ

Египетская конница.

опаскою пользоваться своимъ правомъ входить къ императору безъ доклада.

Если случалось, что Валуевская не была готова въ моментъ завтрака, она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ къ ней, и онъ подавалъ ей шоколадъ, не осмѣливаясь заглянуть въ комнату и пріотворивъ дверь лишь настолько, чтобы просунуть подносъ.

Въ бытность Валуевской въ главной квартирѣ персидскій посланникъ прислалъ подарки отъ своего повелителя. Между прочими великолѣпными вещами, тамъ было множество шалей, предназначенныхъ для императрицы Жозефины.

Ея невѣрный супругъ пожелалъ иначе распорядиться частью этихъ подарковъ: онъ неоднократно настаивалъ, чтобы его любовница выбрала себѣ самую красивую изъ шалей, но напрасно; она упорно отказывалась, и когда онъ обидѣлся такими отказами, она, въ концѣ концовъ, взяла себѣ голубую шаль, которая была проще всѣхъ и наименѣе драгоценна, сказавъ; что у нея есть подруга, которая любитъ голубой цвѣтъ, и что, по возвращеніи домой, она подаритъ ей эту шаль.

Такое безкорыстіе понравилось Наполеону.

— Ваши мужчины храбры и преданны, — сказалъ онъ съ милостивою улыбкою, — а женщины красивы и безкорыстны. Изъ этого составила прекрасная нація. Обѣщаю вамъ, рано или поздно, возстановить Польшу.

Она упала къ его ногамъ и съ жаромъ благодарила его.

— Ага! — проговорилъ онъ, — вотъ этотъ подарокъ вы приняла бы, не чинясь... но, погодите; нужно терпѣніе;

политикою нельзя орудовать такъ, выигрывать сраженія — это не такъ легко и требуетъ больше времени.

Какъ только начались военныя дѣйствія, Наполеонъ отослалъ Валуевскую. Она убѣжала тѣмъ же порядкомъ, какъ и пріѣхала. Братъ увезъ ее въ деревню и путешествіе ея сопровождалось такою же таинственностью. Повидимому, императоръ такъ и остался въ убѣжденіи, что никто объ этомъ не знаетъ.

ВОЕННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

(Стихи о войнѣ забытыхъ русскихъ поэтовъ).

ПОБѢДА.

(Грузинская легенда о царицѣ Тамарѣ).

Вихря степного быстрѣи,
Горной лавины грознѣи,
Мчится съ дружиною ханъ Карабага;
Съ нимъ юный братъ Ширваншахъ,

Блещетъ отвага
Въ ихъ искрометныхъ очахъ...
Вѣсть имъ лазутчикъ принесъ,
Вѣсть ароматнѣе розъ:

Съ войскомъ ничтожнымъ царица
Тамара,

Въ бродѣ перейдя Алазань,
Весело, яро.

Гонить и барса и ланя.
Вѣсть ароматнѣе розъ!

Много несчастій и грозъ
Видѣли ханства отъ вѣщей царицы!..

Въ плѣнъ-бы красавицу взять
И для жарь-птицы

Клѣтку златую сковаты!..
 Рога доносится звонъ...
 Алый померкъ небосклонъ...
 Вводятъ Тамару въ шатеръ злато-
 тканый
 Гаснутъ, дымяся, костры...
 Въ дымкѣ туманной
 Хищники лѣзутъ съ горы...
 Мигъ — и рѣзня свершена!..
 Въ ставкѣ царица одна...
 Жадно рванулся къ ней ханъ Кара-
 бага;
 Съ нимъ молодой Ширван-
 шахъ...
 Страсть и отвага
 Блещутъ въ ихъ черныхъ
 очахъ...
 Пышной красою горя,
 Плѣнница ихъ — что заря!
 Мантия, станъ охватившая гибкій,
 Въ складкахъ струится къ но-
 гамъ...
 Съ гордой улыбкой
 Молвить царица врагамъ:

— «Что-же отважные львы,
 «Ужъ не боитесь-ли вы?!
 «Войско мое вы сгубили засадою!
 «Женщину легче сгубить!..
 «Чьей-же наградой,
 «Чью-же рабыней мнѣ быть?
 «Кто самый дерзостный воръ?
 «Кто изъ васъ приметъ позоръ,
 «Кто облечется безславною
 властью?!
 Ярость у хана въ очахъ;
 Злобой и страстью
 Юный вскипѣлъ Ширваншахъ..
 Ревностью дикой полны,
 Слово двѣ мощныхъ волны,—
 Мигомъ, съ налету, другъ другу въ
 объятя,
 Вынувъ кинжалы свои,
 Ринулись братья, —
 Двѣ разъяренныхъ змѣи...
 Падаютъ на землю ханъ..
 Вотъ ужъ надъ нимъ ятаганъ
 Въ сумракѣ грозно сверкнулъ, какъ
 зарница!

Прянувъ къ борцамъ, какъ
 стрѣла,
 Властно царица
 Лютый ударъ отвела!..
 — «Каинъ, безумецъ, стой!
 «Тлѣнной моей красотой
 «Дьяволъ вамъ очи и душу туманитъ!
 «Лучше меня ты убей!
 «Часъ пусть настанетъ
 «Смерти безгрѣшной моей!»
 Ханъ и молодой Ширваншахъ
 Пали предъ нею во прахъ
 И со слезами воскликнули оба:
 — «Ты побѣдила въ борьбѣ!
 «Знай: мы до гроба
 «Будемъ рабами тебѣ!..»
 Василий Величко.

КАРЛЬ СМѢЛЫЙ И ЕПИСКОПЪ НАМУРСКИЙ.

На родинѣ гуркасовъ—бронзовыхъ солдатъ Англи. Кумиря.

Честолюбивый планъ Карла Смѣлаго возстановить древнюю Бургундію во всемъ ея быломъ величїи и могуществѣ, расширивъ предѣлы ея до Нѣмецкаго моря и Верхней Италїи, повлекъ его въ опустошительную, тяжелую войну, бушевавшую во всей Западной Европѣ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ.

Страшная жестокость бургундскаго герцога, тысячами убивавшаго беззащитныхъ жителей покоренныхъ имъ городовъ, навлекла на него папское проклятіе.

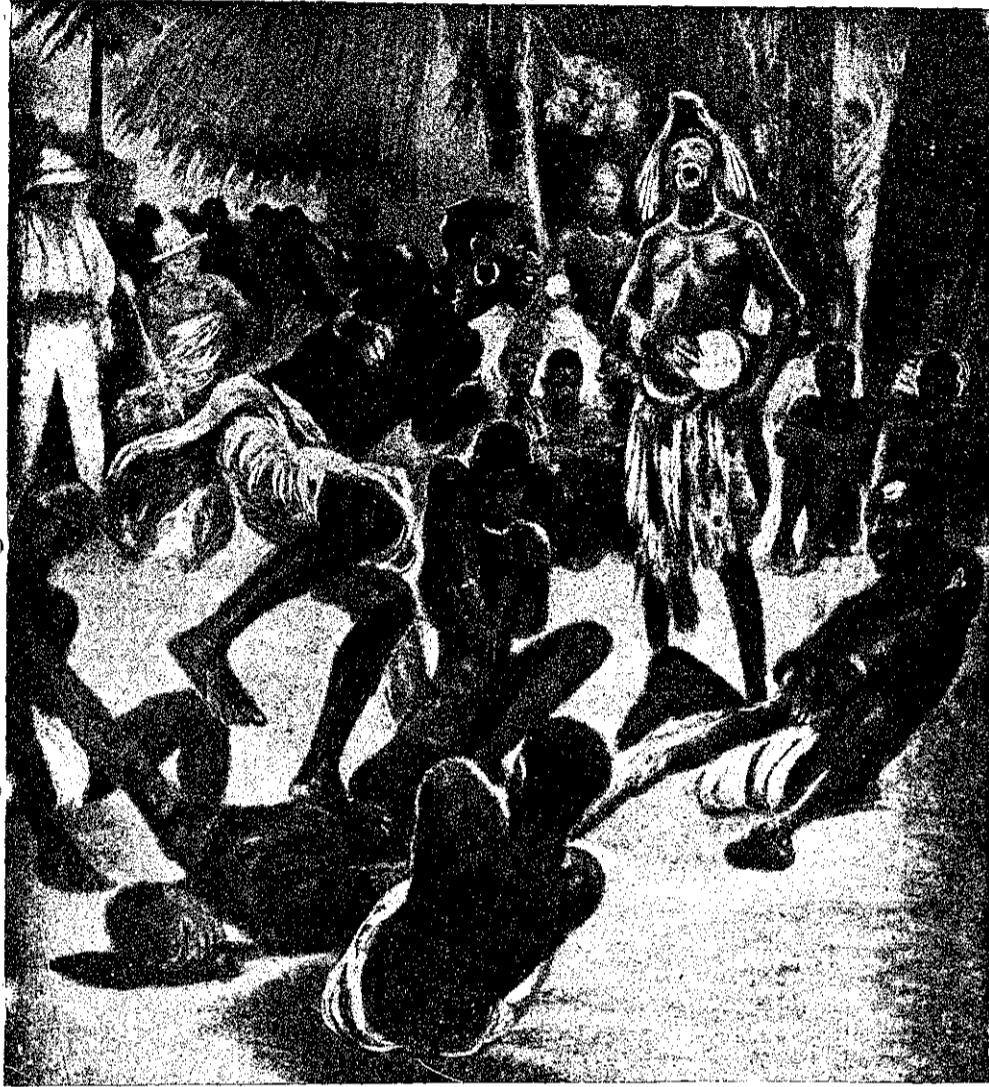
Но Карль нисколько не былъ смущенъ угрожающими увѣщанїями Римскаго папы; наоборотъ, это вмѣшательство духовенства въ его военныя предпрїятїя только сердило своевольнаго герцога, и безъ того доведеннаго до ярости методическими дѣйствїями хитраго и осторожнаго Людовика XI.

Чтобы выразить свое полное презрѣніе къ угрозамъ главы церкви, Карль, въ отвѣтъ на папскую буллу, приказалъ въ Люттихѣ и Намурѣ расхитить драгоценную церковную утварь и перерѣзать поголовно все духовенство этихъ городовъ.

Ничто не могло остановить дикихъ проявленїй гнѣва безжалостнаго герцога.

Когда народъ въ отчаянїи искалъ убѣжища въ храмѣ, Карль во главѣ своего отряда вѣхалъ въ храмъ на лошади, въ полномъ вооруженїи, и устроилъ здѣсь настоящую кровавую баню.

Никто не смѣлъ надѣяться на пощаду: дѣти и беззащитныя женщины, старики и священники падали подъ безжалостными ударами меча.

На родинѣ черныхъ солдатъ Франціи. Мѣстный обычай леченія больныхъ своеобразнымъ массажемъ подь аккомпаниментъ оглушительнаго пѣнія колдуна.

Лошади ходили по колѣна въ крови; страшные вопли оглашали своды мирнаго храма.

Съ занесеннымъ надъ головой мечомъ, топчя полуживыя тѣла несчастныхъ жертвъ своей жестокости, Карлъ приблизился, наконецъ, къ алтарю.

Здѣсь произошло нѣчто неожиданное.

Навстрѣчу разъяренному герцогу неустрашимо выступаетъ благородный старикъ, безъ всякаго вооруженія, съ однимъ лишь посохомъ въ рукѣ: это епископъ Намурскій.

Страшнымъ голосомъ, угрожающе указывая на небо, старикъ призываетъ на голову коронованнаго злодѣя и богорудьника одно изъ тѣхъ ужасныхъ проклятій, которыя устрашаютъ даже самыя черствыя и грубыя сердца.

Рука, готовая опустить мечъ, безсильно останавливается, и герцогъ без-

Атака Кромвеля при Уинсеби.
(Рис. Георга Варіана).

молвно слушаеъ грозныя слова своего смѣлаго обличителя.

Тысячи мыслей пронесется въ головѣ великаго грѣшника; прежняя отвага измѣняетъ ему, и онъ невольно покоряется другой могучей силѣ — силѣ духа, съ которой, быть можетъ, впервые встрѣчается лицомъ къ лицу.

Онъ привыкъ бороться съ грубой физической силой, но не умѣлъ и не могъ противостоять непобѣдимой силѣ духа.

Смертельная блѣдность покрываетъ его лицо; смущенный до глубины души, онъ немедленно прекращаетъ кровавую оргію и поспѣшно оставляетъ храмъ.

ФРАНЦЪ ЮСИФЪ.—Въ газетахъ говорятъ будто-бы у меня волоса дыбомъ становятся.
— Ничего подобнаго!..

„20-й ВѢКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.**
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденціи и т. д. — Цѣна 6 коп. —